

Федотова В. В.

[К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЫ И. А. БУНИНА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/68.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 164-168. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

непосредственно перед публикацией цикла он вывел библейский сюжет из подтекста, представив его в лубочных картинках на стенах жилища станционного зрителя.

Поставив первыми в цикле повести «Выстрел» и «Метель» и завершив его «Барышней - крестьянкой», писатель еще более завуалировал истинный смысл своего произведения, придав ему вид «побасенок», как оценила их современная А. С. Пушкину критика. Однако и «Выстрел», и «Метель», и «Барышня - крестьянка» не только «маскируют» неосторожные мысли автора «Повестей Белкина», но и, в идиллических тонах рисуя картины семейного счастья или его предощущения, представляют семью как ту сферу взаимоотношений, в которой духовное существо человека предстает адекватным самому себе. Это утверждение в полной мере приложимо к «Станционному зрителю» и даже к повести «Гробовщик». «Мысль семейная» в ее пушкинской интерпретации косвенно проявляется уже в сцене серебряной свадьбы Шульца, но главное приоткрывается в сновидении гробовщика. Фабула сновидения показывает, что за вечным неудовольствием Адриана Прохорова, за порицанием дочерей, «когда заставлял их без дела» (единственный повод, по которому, обращалось на них внимание), скрываются едва уловимые проявления живой души. Они обнаруживаются в озабоченности судьбой Акулины и Дарьи: «не ходят ли любовники к моим дурам» [Пушкин, 1964]. Выраженная в духе Адриана не самым деликатным образом, она после ночного кошмара проявится и наяву в произнесенных не без душевного тепла словах: «Ну коли так, давай скорее чаю, да позови дочерей» [Там же, с. 128].

Итак, очерченные в «Станционном зрителе» и особенно подробно и убедительно в «Гробовщике» приметы старения христианской цивилизации не означают для автора «Повестей Белкина» утраты духовности как таковой. Ее средоточием постепенно становится семья, которую в изображении А. С. Пушкина отличает способность, проходя через внешние и внутренние потрясения, не без труда преодолевая косность стародавних порядков и одновременно уходя от бездумных нововведений, стремиться к гармонизации жизни человека в согласии с его совестью. Иначе говоря, на смену мощному внешнему фактору, многие столетия определявшему духовную жизнь Европы, по мнению А. С. Пушкина, должен прийти фактор внутренний - человеческая совесть, с которой он и связывает свой оптимизм, свои надежды на будущее человечества в «Повестях Белкина».

Список использованной литературы

1. **Белинский В. Г.** Полн. собр. соч.: в 13-ти т. М.: АН СССР, 1953. Т. 1.
2. **Бочаров С. Г.** О смысле «Гробовщика» // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985.
3. **Гиршман М. М.** Становление эпического мира («Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина) // Гиршман М. М. Литературное произведение: теория и практика анализа. М.: Высшая школа, 1991.
4. **Петрунина Н. Н.** Первая повесть («Гробовщик») // Петрунина Н. Н. Проза А. С. Пушкина. Л.: Наука, 1987.
5. **Пушкин А. С.** Гробовщик // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10-ти т. М.: Наука, 1964. Т. 6.
6. **Тюпа В. И.** Двухязычие «Повестей Белкина»: анекдот и притча // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 4.
7. **Хализев В. Е., Шешунова С. В.** Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина». М.: Высшая школа, 1989. 80 с.
8. **Шмид В.** Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996. 371 с.
9. **Эйхенбаум Б.** Сквозь литературу. Л.: Академия, 1924. 280 с.

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЫ И. А. БУНИНА

Федотова В. В.

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина

Дневники И. А. Бунина являются органичным продолжением его творчества и представляют собой художественную реальность, которая конструируется с помощью целого ряда приемов. Отдельная область исследования дневников писателя связана с осмыслением их жанровой специфики.

Одной из особенностей эгодокументальной литературы является жанровая открытость. Включение в дневники таких жанров, как краткие рассказы, портреты, пейзажные зарисовки, заметки о творческих успехах и неудачах, размышления, фрагменты будущих произведений, письма, сны и др. особенно характерно для писателей и поэтов XX века. Жанровое разнообразие во многом определяет художественно-эстетическую ценность дневников И. Бунина. Фрагментарная структура дневников писателя, проявленная в бессистемной фиксации впечатлений, событий, наблюдений, является удобной для синтеза различных жанров внутри дневника.

Особое место в жанровой структуре дневников И. Бунина занимают портретные зарисовки современников. На страницах дневников можно обнаружить множество портретных набросков, от кратких, мимолетных впечатлений от человека, до развернутых описаний, в которых представлено индивидуальное авторское видение характеризуемой личности. Как правило, писатель сосредоточен на внешнем облике персонажа:

«Письмо от Н. И. Кульман: умерли Бальмонт и проф. Оман. Исчез из мира и из моей жизни Б[альмонт]! А живо вижу знакомство с ним, в Москве, в номерах «Мадрид» на Тверской! Был рыжий, стрижен ежиком, налит сизой кровью, шея, щеки в крупных нарывах...» [Бунин, 2006, с. 396].

Иногда это отдельная запомнившаяся черта внешности:

«У Пилкиных. Вдова Колчака, его сын. Большое впечатление - какие у него темные, грозные глаза!» [Там же, с. 313].

«Неклюдов. Совершенно не слушает собеседника, соверш. не интересуется им» [Там же, с. 313].

Дневник 1920 года представлен единственной записью:

«Париж, 19 авг. 1920 г. Прочел отрывок из дневника покойного Андреева. «Покойного»! Как этому поверить! Вижу его со страшной ясностью, - живого, сильного, дерзко уверенного в себе, все что-то про себя думающего, стискивающего зубы, с гривой синеватых волос, смуглого, с блеском умных, сметливых глаз, и строгих, и вместе с тем играющих тайным весельем; как легко и приятно было говорить с ним, когда он переставал мудрствовать, когда мы говорили о чем-нибудь простом, жизненном...» [Там же, с. 294].

Являясь авторским дискурсом, дневник одновременно отражает язык времени - систему его понятий и представлений, форму чувствования. Важное место в структуре дневниковых записей И. Бунина принадлежит «чужому слову». Оно представлено как в косвенной форме, в форме пересказа разговоров с людьми, так и в прямом их воспроизведении. Множество диалогов содержат дневниковые записи периода жизни Бунина в деревне. Это беседы с крестьянами, дворовыми, странниками:

«Посидели с Яковом.

- Яков Ехимыч!

- Аюшки?

- Ты что любишь из кушаний?

- Моя душа кривая, все прямая. И мед - и тот прет. А я всего раз сытый был - когда на сальнях, на бойнях под Ельцом жил» [Там же, с. 278].

Дневники этого периода кроме диалогов включают в себя притчи и вставные истории, рассказы. В дневнике 9 мая 1912 говорится о встрече со странником Иваном и приводятся без сокращений религиозные стихи:

«Пришел странник (Березовский мужик). Вошел, не глядя ни на кого, и прямо заорал:

Придет время,

Потрясется земля и небо,

Все камушки распадутся,

Престолы Господни нарушатся,

Солнце с месяцем примеркнут,

И пропустит Господь огненную реку

И поморит нас, тварь земную,

Михаил Архангел с небес сойдет,

И вострубит у трубы,

И возбудит всех мертвых от гроба,

И возглаголет:

Вот вы были-жили

Вольной волей,

В ранней обедне не бывали,

Поздние обедни прожирали:

Вот вам рай готовый, -

Огни негасимые!

Тады мы к матери сырой земле припадем

И слезно восплачем, возрыдаем» [Там же, с. 270].

В этот же день И. Бунин фиксирует в дневнике слова Ивана о том, «почему надо курить, жечь табак: шла Богородица от Креста и плакала, и все цветы от слез Ее соли, один табак остался; вот Бог и сказал - жгите его» [Там же]. В дальнейшем писатель использует эту легенду о табаке в рассказе «Худая трава» (1913).

Можно также говорить о включении в повествование элементов жанра проповеди:

«А через час еще один бродяга, в скуфье. Поразительно играл глазами, речь четкая, повышенная, трагическая: «Бог есть добро, добро в человеколюбии!»» [Там же, с. 275].

В дневнике периода эмиграции неожиданно возникает почти сюрреалистический образ «народного певца» и приводится цитата из песни:

«10 ½ часов вечера. Зуров слушает русское радио. Слушал начало и я. Какой-то «народный певец» живет в каком-то «чудном уголке» и поет: «Слово Сталина в народе золотой течет струей...» Ехать в такую подлуню, изолгавшуюся страну!» [Там же, с. 362].

На протяжении всей жизни Бунин постоянно включает в дневники отрывки из писем, принадлежащих как ближайшему окружению, так и незнакомым людям.

«Вчерашнее письмо Алданова: «Я получил вызов к америк. Консулу в Марселе и предполагаю, что получена для меня виза в С. Штаты. Пока ее не было, мы плакали, что нет; теперь плачем (Т. М. - буквально), что есть...» [Там же, с. 342].

«А. К. Толстой писал жене (в 55 г.): «Сипягин - хороший, добрый, благородный малый, который обожает свою роту и чрезвычайно ею любим...» Этот Сипягин крестил меня. Был тогда уже генералом» [Там же, с. 328-329];

«Из солдатского письма: «Мы плыли по высоким волнам холодного серого моря»» [Там же, с. 272].

В текст дневников И. Бунина включает и свои письма. Одно из них содержит целый занимательный рас-

сказ:

«Нашел клочок из моих писем: «16-Х-26. Вчера Рахманинов прислал за нами свой удивительный автомобиль, мы обедали у него, и он, между прочим, рассказал об известном музыканте Танееве: был в Москве концерт Дебюсси, и вот, в антракте, один музыкальный критик, по профессии учитель географии, спрашивает его: «Ну, что скажете?» Танеев отвечает, что ему не нравится. И критик ласково треплет его по плечу и говорит: «Ну, что ж, дорогой мой, вы этого просто не понимаете, не можете понять». А Танеев в ответ ему еще ласковее: «Да, да, я не знал до сих пор, что для понимания музыки не нужно быть 30 лет музыкантом, а нужно быть учителем географии» [Там же, с. 333].

Одна из специфических жанровых особенностей дневников писателя - использование шуточных стихов. Известно, что Буниным написано множество эпиграмм, экспромтов, шуточных стихов, которые он не публиковал и не сохранял. В дневники же он их включает.

В дневниковых записях 1901 года есть рассказ о том, как И. Бунин и А. Куприн ходили в гости к начальнице женской ялтинской гимназии, которую не застали дома, и решили оставить ей стихи. И. Бунин написал:

«В столовой у Варв. Константины
Накрыт был стол отменно-длинный,
Была тут ветчина, индейка, сыр, сардинки,
И вдруг ото всего ни крошки, ни соринки:
Все думали, что это крокодил,
А это Бунин в гости приходил» [Там же, с. 249].

В дневник 1933 года И. Бунин включает сонет К. Бальмонта, в котором автор сравнивает себя и И. Бунина со львом и тигром, и свое стихотворение в ответ.

Шуточные стихи присутствуют и в письмах к Олечке (дочери Е. Жировой, которая некоторое время жила у Буниных). Причем эти стихи в контексте той ситуации голода и холода, в которой почти постоянно приходилось существовать Буниным, приобретают иное, вовсе не шуточное звучание:

«Послал письмо Олечке: Ты спрашиваешь, как мы пировали у наших друзей. Вот как:

У моих друзей пируя,
Ел змеиную икру я,
Пил настойку из клопов
И вино из бураков.
Остальное тоже было
Очень вкусно, очень мило:
Суп из наба, фарш из блох
И на жареное - мох.

Все это недалеко от правды. «Новая Европа!»» [Там же, с. 368].

Как отдельные внесюжетные элементы следует выделить рассказы как знакомых, родных писателя, так и самого Бунина:

«Евгений рассказывал: у него в саду сидели два босняка, часто ссорились и один, бывший солдат, наконец застрелил другого (с мыслью сказать, что тот сам застрелился). Холод, поздняя осень. Он перемыл в пруде рубашки, портки, снятые с убитого, надел их. Варил кашу, ночевал от холода под ящиком для яблок...» [Там же, с. 274].

Показательно, что эти рассказы выделяются как по своему содержанию, так и по форме изложения, характерной, скорее, для мемуаров. Содержание их составляет, как правило, что-то странное, поразившее Бунина, не поддающееся объяснению. Так дневник 1934 года содержит одну единственную запись - рассказ Бунина о том, как с ним случился обморок.

Другой пример представлен следующим фрагментом:

«Укус змеи нечто совсем особое, мистически странное, незапамятно древнее.

Летом 23 года мы с Моисеенко ехали в автомобиле из Грасса в Тулон. Моисеенко в какой-то долине остановил машину, чтобы что-то исправить в ней, я перескочил с шоссе через канаву, лег головой к ней в траву, хотел отдохнуть, покурить, как вдруг услышал, как что-то змеей мелькнуло возле меня и в то же мгновение я, от моего постоянного патологического ужаса к змеям, так дико взбросил ноги в воздух, что дугой перелетел через канаву назад и стал на ноги на шоссе - сделал то, что мог бы сделать лишь какой-нибудь знаменитый акробат или мой древний пращур, тигр, барс. - Мы не подозреваем, какие изумительные силы и способности еще таятся в нас с пещерных времен» [Там же, с. 311].

Дневники Бунина дают развернутое представление о круге чтения писателя. В связи с разнообразными событиями внутренней и внешней жизни Бунин обращается к мыслям и творчеству писателей и поэтов. Дневниковая запись, сделанная в апреле 1921 года в сложный для России период, содержит только три цитаты из «Капитанской дочки» Пушкина, одна из которых:

«Те, которые замышляют у нас переворот, или молоды, или не знают нашего народа, или уже люди жестокосердные, которым и своя шейка - копейка и чужая головушка - полушка...» [Там же, с. 279].

Цитаты из произведений классиков И. Бунин использует в подтверждение своих мыслей и ощущений:

«Я как-то физически чувствую людей» (Толстой). Я все физически чувствую» [Там же, с. 303].

«Бетховен говорил, что достиг мастерства тогда, когда перестал вкладывать в сонату содержание десяти

сонат» [Там же, с. 322].

«Мысль изреченная есть ложь...» А сколько самой обыкновенной лжи! Человеческий разговор на три четверти всегда ложь, и невольной, и вольной, с большим старанием ввертываемой то туда, то сюда. И все хвастовство, хвастовство» [Там же, с. 312].

Это может быть и просто фиксация понравившегося, внутренне близкого:

«Lassus maris et viarum - устав от моря и путей. Гораций. Как хорошо!» [Там же, с. 311].

Пушкин незадолго до смерти писал: «Моя душа расширилась: я чувствую, что могу творить» [Там же, с. 347].

Иногда случайно перечитанный отрывок прозы или поэзии связывают настоящий момент и прошлое автора.

«По ночам ветерок не коснется чела,
На балконе свеча не мерцает.
И меж белых гардин темно-синяя мгла
Тихо первой звезды ожидает...

Это стихи молодого Мережковского, очень мне понравившиеся когда-то - мне, мальчику! Боже мой, Боже мой, и его нет, и я старик! Был в городе по аптекам» [Там же, с. 381].

Некоторые цитаты из творчества писателей и поэтов сопровождаются элементами анализа, комментариями. Подобные структурные элементы, по-видимому, можно рассматривать как внутреннюю читательскую (писательскую) критику:

«Кончил «Даму с камелиями». Ничуть не трогает, длинно, фальшиво» [Там же, с. 356].

«Москва под ударом» Белого:

- За сквером просером пылел тротуар... - Там алашали... - Пхамкал, и пхымкал... - Протух в мерзи... - Рукач и глупач... И так написана вся книга» [Там же, с. 371].

«Уныние, собранное, как зрелые плоды» - Верлэн. «Боевые знамена символизма... молодежь признала в Верлэне своего вождя...» И ни одной анафеме не приходит в голову, какие это колоссальные пошлости!» [Там же, с. 313].

«Косые лучи солнца, пробираясь сквозь листву кустов сирени и акаций, пышно разросшихся у перил террасы, дрожали в воздухе тонкими золотыми лентами... Воздух был полон запаха липы, сирени и влажной земли...» (И липы и сирень цветут вместе)» [Там же, с. 348].

В дневниках последних лет жизни писателя можно встретить особенно много замечаний, касающихся здоровья, эмоциональных переживаний:

«Мне верно, уже не поправится - переломилось здоровье. Едва таскаю ноги. Неужели и в прошлом году было то же? Нет. Этого не помню. М.б., забыл?» [Там же, с. 390].

«Тем, что я не уехал с Ц[етлиными] и Алд[ановыми] в Америку, я подписал себе смертный приговор. Кончить дни в Грассе, в нищете, в холоде, в собачьем голоде!» [Там же, с. 396].

«Утром думал, что умираю - отлив крови от головы» [Там же, с. 395].

«Все грустен. В жизни мне, в сущн., не осталось ничего!» [Там же, с. 396].

Интересно по этому поводу замечание Михеева М. Ю.: «Такое «нытье» как определенный речевой жанр - само по себе для дневника характерно. Человеку как бы сам бог велел поплакаться в таком месте перед самим собой и возможным читателем «в жилетку»» [Михеев, 2004, с. 143].

А. Бахрах вспоминает, с каким нетерпением каждое утро ждал Бунин «невзрачные листы ниццкой газеты» и «всякое поражение союзных армий, раздуваемое местными радиостанциями переживал как трагическое и непоправимое событие» [Бахрах, 2006, с.181].

В дневниках И. Бунина, которые автор вел в Ницце в тяжелое для всего мира время, присутствует большое количество выписок из газет и сообщений радио; цитирует писатель и лозунги:

«В газетах пишут: «От холода и голода в России - паралич воли, вялость, уныние, навязчивые идеи, навязчивый страх умереть с голоду, быть убитым, ограбленным, распад высших чувств, животный эгоизм, мания запастись, прятать и т.д.» [Бунин, 2006, с. 310].

«Погода все последнее время все-таки неважная. Солнце, облака, ветер с востока. Печет - и прохладный ветер. «Politique Bulgare. Mot d'ordre: lutter contre le bolchevisme!»» [Там же, с. 371].

Необходимо отметить, что в отличие от большинства сегментов текста дневников, причинно-следственные связи между которыми нарушены, в некоторых дневниковых записях повествование организовано по мемуарному принципу - содержит обобщения, пояснения, анализ произошедшего, сделанный с высоты настоящего видения событий. Таково начало дневника 1885 года:

«Старая, огромная, людная Москва», и т.д. Так встретила меня Москва когда-то впервые и осталась в моей памяти сложной, пестрой, громоздкой картиной - как нечто похожее на сновидение...

Это начало моей новой жизни было самой темной душевной порой, внутренне самым мертвым временем всей моей молодости, хотя внешне я жил тогда очень разнообразно, общительно, на людях, чтобы не оставаться наедине с самим собой» [Там же, с. 244].

Подобный тип повествования представлен в записях 1903 года (история знакомства Бунина с С. А. Найденовым):

«Мы познакомились с ним вскоре после того, как на него свалилась слава, - именно свалилась, - быстро стали приятелями, часто вместе ездили - то в Петербург, то на юг, то за границу... В нем была смесь чрезвычайной скрптности и часто детской наивности» [Там же, с. 251].

Элементы мемуарного повествования встречаются в записях, которые Бунин делал по прошествию некоторого времени после событий, которые считал нужным запечатлеть. Так, в дневниках с 22 по 28 июля 1940 года повествование о прошедших событиях (об отъезде Буниных из Грасса) прерывается небольшими записями, относящимися к настоящему времени. Характерный пример - начало дневника 18 октября 1905 года:

«Жил в Ялте, в Аутке, в чеховском опустевшем доме, гостил у Марьи Павловны. Дни все время стояли серенькие, осенние, жизнь наша с М. П. и мамашей (Евгенией Яковлевной) текла так ровно, однообразно, что это много способствовало тому неожиданному резкому впечатлению, которое поразило нас всех вчера перед вечером...» [Там же, с. 251].

Начиная с 1894 по 1905 год почти все события восстановлены по воспоминаниям по прошествию большого количества времени и являются по сути иллюзией дневника. Здесь Бунин использует свои собственные записи, относящиеся ко времени, о котором идет речь, и отрывки из писем Чехова:

«В январе 1901 г. я все еще жил у Чеховой. Моя запись: «Зима 1901 г., я у Чеховой...Су-Ук-Су...» [Там же, с. 248].

«11 марта - «Еду из Огневки в Полтаву...» (по записи).

«30 апр. Из Полтавы в Шишаки (по записи)».

«В начале апреля я с Федоровым уплыл в Одессу. Чехов: «Куприн тоже уехал - в Птб.» (кажется, в Ялте был и Андреев)» [Там же].

Характерной чертой записей по воспоминаниям является множество вопросительных предложений. Из записей 1902, 1903 г.:

«Я в Ялте?» [Там же, с. 249].

«Я в Птб.? Предложение Куприна Мусе Давыдовой?» [Там же].

«В начале апреля я с Федоровым уплыл в Одессу. Чехов: «Куприн тоже уехал - в Птб.» (кажется, в Ялте был и Андреев).

Когда Елена Васильевна?

9 апреля я уплыл из Одессы в Константинополь.

Где я весной и летом? В Огневке? Летом, конечно, в Огневке, переводил «Манфреда» [Там же, с. 250, 251].

Одна из записей представляет собой набор фамилий и некоторых событий, создающих общее представление о прошлом:

«Федоров, Будищев, Ладыженский, Михеев; Михайловский, Потапенко, Баранцевич, Гиппиус, Мережковский. Минский, Савина (это на вечере в Кред. О-ве); Сологуб (утром у Федорова), Елпатьевский, Давыдова («Мир Божий» на Лиговке). Муся, Людмила (дочь Елпатьевского). Васильевский остров. Попова, ее предложение издать «На край света» [Там же, с. 244].

Отдельную часть дневников образуют путевые заметки. Например, в дневнике 1914 года есть упоминания о поездке Бунина на Капри, в Неаполь, Салерно, Дамаск, Амальфи. Собственно путевой дневник представлен записями 1907 года.

По определению В. М. Головки, процесс понимания жанра связан с его трактовкой не как «закрытой системы», а как динамической целостности, а также с выявлением соприродности и единства специфических структурных компонентов жанра, составляющих органическую художественную целостность (проблематика, конфликт, сюжетно-композиционная организация, хронотоп, характерология, тип и система повествования, жанрообразующие средства и т.д.) [Головка, 1995, с. 123]. Так как в любом из жанров «выстраивается завершённый, то есть самодостаточный, концептуальный образ мира» [Лейдерман, 1982, с. 112], то можно говорить о том, что целостный образ мира в дневниках И. Бунина формируется путем взаимодействия различных жанров (моделей мира). Обогащаясь опытом другого жанра, дневник вбирает в «свою глобальную модель мира «чужую», «готовую» модель и обе модели вступают во взаимодействие [Лейдерман, 1982, с. 205]. Синтез разножанровых структур в дневниках писателя связан со сложными взаимодействиями в их пространственно-временной системе и фрагментарным принципом построения записей, отражающим авторское восприятие мира. Включение в дневники различных жанров размыкает пространство и время и расширяет спектр возможных точек зрения на изображаемые события, создает дополнительные смысловые связи. В свете философских представлений И. Бунина все это создает впечатление бесконечности мира, Времени и Пространства по сравнению с физической конечностью человека, но в то же время вечностью его духовной составляющей.

Список использованной литературы

1. Бахрах А. В. Бунин в халате. По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2006. 592 с.
2. Бунин И. А. Собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 9. 542 с.
3. Головка В. М. Герменевтика жанра как проблема теоретической поэтики // Вестник Ставроп. гос. пед. ун-та. Ставрополь, 1995. Вып. 1.
4. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра: монография. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 256 с.
5. Михеев М. Ю. Фактографическая проза или пред-текст // Человек. 2004. № 3.